

познание фольклора в его исторической ретроспективе. В связи с этим докладчик представил результаты сравнения крупных сюжетных серий эпических песен внутри славянского мира с репертуаром некоторых соседей — с целью получения представлений об общеславянском эпическом фонде начала нашей эры.

В докладе «Фольклористика на VIII Международном съезде славистов» В. Е. Гусев охарактеризовал основные проблемы, обсуждавшиеся на фольклористической секции (поэтика и стиль фольклора, процессы в фольклоре XX в. и современный фольклоризм, взаимодействие фольклора и литературы), и на основе анализа приуроченных к съезду публикаций и сделанных на съезде сообщений констатировал возрастание интереса исследователей к процессуальным явлениям в фольклоре как характерную черту современной фольклористики. Докладчик проинформировал участников Чтений о решениях фольклорной комиссии при Международном комитете славистов.

Выступавшие в прениях по докладам Б. П. Кирдан, К. В. Чистов, И. Г. Левин, Г. А. Левинтон, И. Г. Карпухин отметили значение Богатыревских чтений как определенной научной традиции. В центре дискуссии оказались вопросы, связанные с проблемой современных путей развития славистической фольклористики: организация учета материала, его собирание, систематизация и издание, границы и принципы сравнительного изучения, статистические методы и методика выяснения эволюционной хронологии.

Выступавшие подчеркнули связь Богатыревских чтений с общим движением отечественной фольклористики, которое они отражают и которому в известной мере содействуют.

Л. М. Ивлева

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Согласно подписанному летом 1977 г. научному соглашению между советскими и американскими учеными с 1978 г. была начата параллельная работа над темой «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей». Эта программа по сравнению с предпринимавшимися до сих пор усилиями в изучении проблем долгожительства со стороны геронтологов и некоторых других специалистов имеет две важных особенности. Первая из них состоит в комплексности исследования, требующем, в частности, широкого привлечения этнографических материалов. Вторая — в популяционном подходе к этим проблемам, при котором изучаются не отдельные долгожители (люди 90 лет и старше), а значительные группы населения, в которых исторически возник и закрепился феномен долгожительства. Последнее предполагает сравнение изучаемой «долгожительской» популяции с контрольной общностью, где такой феномен не наблюдается. Для работы над проектом Институт этнографии АН

СССР, взявший на себя функции головной организации по этим исследованиям в СССР, привлек научные силы Института антропологии МГУ, Института геронтологии АМН СССР, абхазского Института языка, литературы и истории и Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР. В качестве первого объекта изучения в СССР было взято сельское абхазское население на территории Очамчирского района Абхазской АССР, главным образом — жители с. Члоу, где на 2500 жителей числилось около 40 долгожителей.

В 1978 г., отведенном на подготовительные работы, были выработаны общие с американской стороной принципы исследования, основные разделы темы и, в соответствии с предложенными гипотезами долгожительства (генетической, экологической, или географической и этнографической) набор основных показателей, которыми должен характеризоваться каждый человек, подлежащий обследованию, и популяции в целом. Летом 1978 г. были проведены первые, носившие в значительной

степени также предварительный характер, полевые работы. В составе организованной экспедиции действовали три этнографических, антропологических, геронтологических и медико-биологические отряды, а также группы экологов и психологов.

Одним из важных результатов этих работ была проверка возможности совместной работы биолого-антропологических и медицинских подразделений в условиях созданного стационара. Другим — выработка подхода к выбору людей, подлежащих обследованию, и приемов верификации возраста долгожителей, не имеющих свидетельств о рождении или других соответствующих документов.

Летом 1979 г. по названной теме также работали три этнографических отряда. Задачей первого из них (нач. И. И. Крупник) было составление «долгожительского» списка людей, подлежащих обследованию, в который вошли собственно долгожители, а также их братья и сестры, дети и внуки, племянники и племянницы; кроме того, в этот список были включены родственники-долгожители, умершие после 1950 г. в возрасте около 100 лет и старше. Попутно с этим, отряд составлял генеалогии и работал над изучением социальной структуры абхазов.

В задачу второго отряда (нач. А. П. Павленко) входила верификация возраста тех долгожителей, которые не были охвачены работами 1978 г., и составление «контрольного» списка людей, подлежащих обследованию путем соответствующей выборки из «недолгожительской» части жителей с. Члоу. Отряд должен был кроме того опробовать этнографическую анкету, содержание которой было согласовано с американской стороной, собрать материалы по этнической демографии и др.

Основные задачи третьего отряда (нач. В. П. Кобычев) — опробование этнографической анкеты, уже исправленной и дополненной с учетом опыта предыдущей работы и сбор материалов по этнической психологии.

Одновременно с этим, как и в прошлом, 1978 г. была развернута полевая экспедиционная работа антропологического и геронтологического отрядов (нач. Г. А. Аксянова и А. В. Шевченко), а также отряда под руководством С. М. Далакишвили, организованного АН Грузинской ССР. Все отряды проводили антропологические измерения, изучали питание (с анализом пищи), осуществляли биолого-генетические исследования, медицинский осмотр и сбор других намеченных программой показателей.

Работа по советско-американскому проекту комплексного изучения долгожительства рассчитана на длительный срок. Но уже сейчас очевидно, что она может дать очень ценные в научном отношении результаты, подтвердив плодотворность совместных усилий специалистов общественных и естественных наук.

Вместе с тем опыт работы двух лет показал большую сложность проблем, подлежащих исследованию, и, следовательно, необходимость дальнейшего расширения состава участвующих в ней сотрудников. Надлежит обратить особое внимание и на специфику полевой работы в условиях Кавказа. Улучшения требует и материально-техническое обслуживание полевых отрядов. Но все это относится к затруднениям, которые можно и должно преодолеть.

В. И. Козлов

* * *

С 1971 г. Музыкальное училище им. Римского-Корсакова при Ленинградской консерватории организует студенческие экспедиции в Усвятский район Псковской области под руководством музыковеда-фольклориста Е. Н. Разумовской. Было проведено 7 летних и 4 зимних экспедиции (по 9—12 чел. каждая) в среднем по 2—3 недели. В первых двух экспедициях активное участие принимала Л. Л. Ивашева — уроженка деревни Цер-

ковище Усвятского района, тогда студентка филологического факультета ЛГУ. Постоянные участники экспедиций: студенты И. Пайна, А. Ромодин, В. Федько, Л. Федько, Г. Худякова.

Результаты экспедиционных работ свидетельствуют о богатстве и жанровом разнообразии фольклорной культуры Усвятского р-на, о преобладании в ней обрядовых форм.

За 8 лет (1971—1978) обойдено 138 де-

ревень не только в Усвятском р-не, но и с выходом в Белоруссию (на западе и юго-западе), Смоленщину (юго-восток), в Невельский и Великолукский р-ны Псковской области (север и северо-восток); записано 34 «живых» обряда: 17 свадебных, 11 похоронных и 6 купальских; сделано более 7000 магнитофонных записей. Среди них: 2528 свадебных песен, 1812 календарных, 915 инструментальных пьес и сигналов, 816 лирических, 203 хороводных и плясовых песен, 414 плачей, 147 баллад, 94 «языка» (голос, подражающий инструменту), 55 духовных стихов, 41 колыбельная, множество частушек (200 записей, от 1 до 30 припевок в каждой), а также сказки, заговоры, приговорки, заклички. Велось также «слуховые» записи всех видов прозаического фольклора (былички, анекдоты, заговоры, всевозможные клише); собраны рассказы о старинных обрядах и об истории района, биографические сведения об информаторах (средний возраст 62 года); составлен словарь диалектных слов и выражений; приобретены некоторые предметы материальной культуры (вышитые рубахи, полотенца, скатерти, юбки, тканые пояса, некоторые атрибуты свадебного ритуала, глиняные и берестяные изделия и пр.).

Особая историческая и художественная ценность усвятского материала поставила перед фольклорными экспедициями задачу

максимально полно зафиксировать всевозможные образцы местной культуры. Поэтому возникла необходимость повторения работы в каждой деревне не менее двух-трех раз, а встречи с особо интересными информаторами (О. Ф. Сергеевой из дер. Церковище, А. В. Рыбаковой из дер. Узкое, Т. С. Лазутой из дер. Рябцево и др.) происходили регулярно в течение всего периода экспедиционной деятельности.

В настоящее время, когда завершилось обследование всего района (с захватом соседних деревень), можно приступить к классификации собранного материала, попытаться охарактеризовать особенности местного стиля, установить ареал распространения его, границы перекрещивания разных традиций; можно картографировать собранный материал по обрядам, жанрам, сюжетам, формульным напевам и т. п. Последовательная публикация этнографических сведений и лучших образцов усвятского фольклора после тщательной научной обработки — главная цель работы собирателей.

Все фоно- и фотоматериалы, дневники, расшифровки текстов и напевов хранятся в фольклорном кабинете Музыкального училища Ленинградской консерватории.

Е. Н. Разумовская

С 16 по 22 февраля 1978 г. аспирант секции фольклора Ленинградского государственного ин-та театра, музыки и кинематографии Ю. И. Шейкин совершил поездку в с. Красный Яр, расположенное в среднем течении р. Бикин (Пожарский район Приморского края), организованную Дальневосточным педагогическим институтом искусств (г. Владивосток).

В задачи экспедиции входило изучение музыкальной культуры уссурийских нанайцев (самоназвание группы — *монай*) и бикинских удэгейцев (самоназвание группы — *бикинка удэ*), выявление процессов взаимовлияния этих родственных культур.

Музыкальный фольклор уссурийских нанайцев записывался от двух исполнителей (возраст 72—75 лет). Выявлено 8 вокальных произведений *дзари* и 7 инструментальных наигрышей на дугообразном

варгане — *мэңэ куфурй*. Нанайский материал имеет особую ценность, так как позволяет сравнить фольклор уссурийских и амурских нанайцев и выявить в нем диалектные различия¹.

73 образца удэгейского музыкального фольклора записаны от восьми исполнителей (возраст 55—75 лет). Среди собранного материала большую часть составляют импровизируемые напевы *ехый* (36 образцов) и инструментальные наигрыши на

¹ До сих пор музыкальная фольклористика располагала музыкальными материалами по фольклору только амурских нанайцев. См.: А. М. Айзенштадт. Поют нанайцы и ульчи. — «Сов. музыка», 1957, № 11, с. 88—93; *его же*. Нанайские песни. — «Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири». М., 1966, с. 55—79.

дутообразном варгане *кункай гусини* (11 образцов), на *трубе* из полого стебля *травы* *какалии кингуля чикчи гусини* (7 образцов). Особую ценность представляют записи сольной игры на бубне *унту гонгойни* (3 образца). Эти наигрыши исполняют перед началом шаманского обряда особые мастера — *гонгой*, сопровождая ими свои пляски. По ритму и по форме исполнения эти наигрыши родственны музыкальному сопровождению медвежьего праздника нивхов, орочей и ульчей. Сольная игра на бубне встречается как у бичкинских удэгейцев, так и у уссурийских нанайцев. К уникальным записям следует отнести обрядовую игру шамана со своим духом-покровителем *могоси* (1 образец).

В с. Красный Яр записано 39 звукоподражаний зверям и птицам. Удэгейцы и нанайцы подражают голосам не только промысловых зверей и птиц (изюбру, кабарге и рябчику), но и тех, которые являются излюбленными персонажами их фольклора (ворона, кукушка, рыбный филин и др.).

XXXIV экспедиция была седьмой поезд-

кой к удэге². Собранные материалы имеют значение не только для изучающих музыкальный фольклор, но и для этнографов. На основании имеющихся материалов уже можно судить об одной из наименее исследованных областей духовной культуры удэ — музыкальном фольклоре, выявить в нем локальные особенности и сопоставить его с фольклором других этносов данного региона (нанайцев, орочей, ульчей, нивхов и др.).

Фотоматериалы, в которых зафиксированы музыкальные инструменты и способы игры на них, а также полевые дневники, содержащие данные об исполнителях, и фольклорные тексты хранятся в личном архиве Ю. И. Шейкина. Весь звуковой материал (127 образцов), записанный на касетном магнитофоне, — в фольклорном фонограммархиве Дальневосточного педагогического института искусств.

Ю. И. Шейкин

² Информацию о предыдущих экспедициях см.: «Сов. этнография», 1978, № 2, с. 139—140; 1979, № 1, с. 151—152.